

за»¹. Как «поэт науки» Д. Д. Благой выступает и в рецензируемой книге. Автор мыслит не только понятиями, но и художественными образами. Ему свойственны особая свободная раскованность научной речи и живое художественное воображение. Так, говоря о Байроне и Пушкине, Д. Д. Благой пишет: «Выйти из сферы байроновского притяжения» помогла Пушкину «могучая сила тяготения, исходившая из других грандиозных звездных миров — Шекспира, Гете, Данте» (с. 51). А рисуя психологические переживания Пушкина, оразившиеся в «Бесах», Д. Д. Благой замечает: «Все сущее предстает поэту как некий вихрь мировой бессмыслицы» (с. 145). Там же поэт Д. В. Венивитинов назван «Ленским русско-й литературы». В книге много эпиграфов, создающих особое, нужное исследователю читательское настроение. Вся книга в целом воспринимается не только как научный труд, но и как художественное произведение. И вместе с тем книга производит впечатление «доверительного» разговора с читателем. Этому способствует то, что в книге нет академического «мы» (типа «Мы уже говорили»), а есть только живое и свободное «я» (типа «Я уже говорил»).

Можно, конечно, сделать и некоторые критические замечания. Рассказывая о

¹ Перцов В. О. Поэт науки. — В сборнике к 80-летию Д. Д. Благого «Искусство слова». М., 1973, с. 157. См. там же: Гельгардт Р. Р. О стиле научной прозы (по наблюдениям над текстами литературоведческих исследований Д. Д. Благого), с. 16—28.

О. В. Творогов. Древнерусские хронографы Л., «Наука», 1975, 320 с.

Хронографы — средневековая «всеобщая история» — были одним из излюбленных жанров в Древней Руси. Наряду с древнерусскими летописями они пользовались большим авторитетом, создавались и переписывались с XI в. до конца XVIII в.

Хронографы сыграли существенную роль в расширении исторического и литературного кругозора древнерусских читателей. Через посредство хронографов они познакомились с историей стран Востока, с историей Греции, Рима и Византии, с сюжетами античного эпоса (в хронографах читались различные версии преданий о Троянской войне, излагались античные мифы), с эллинистическим романом об Александре Македонском. В составе Хронографа на Руси распространилось Житие Константина и Елены, Сказание о построении Софии Цареградской и ряд других византийских литературных памятников.

том, что Батюшков «резко ополчился на некоторые грубые, как он считал, звуки», Д. Д. Благой пишет: «„Есть еще хорошие буквы Р, Ш, Щ“, — едва ли не в прямой полемике с батюшковской „итальянизацией“ провозгласит более ста лет спустя Маяковский» (с. 182). Я думаю, что «прямой полемикой» здесь быть не могло: высказывание Батюшкова о «грубых звуках» содержится в его письме к Гнедищу 1811 г., которое вряд ли знал Маяковский. На стр. 373 Д. Д. Благой называет пушкинское послание «В Сибирь» «оптимистическим». Но стоило сказать, что представляет собой конец этого послания («Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут» и т. д.) — веру в грядущую революцию или надежду на освобождение декабристов Николаем I. Стоило бы также указать источники некоторых заглавий. Так, заглавие «Погибельное счастье» (с. 375) взято из оды Пушкина «Наполеон», но это знает только достаточно «искушенный» читатель.

Но это мелочи. Книга Д. Д. Благого заслуживает высокой оценки и является его большой удачей. Создать такую книгу ему позволила огромная любовь к Пушкину. И как бы подытоживают содержание книги слова Д. Д. Благого о величии Пушкина: «Да, Пушкин был Пушкиным и сам сознавал это ... подобно величайшему итальянскому поэту (т. е. подобно Данте. — Н. Ф.), он ... стал величайшим русским национальным поэтом и тем самым на равных правах вошел в сверхбратство гениев, в созвездие немногих имен: Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин» (с. 162).

Н. В. Фриджан

Несмотря на обилие дошедших до нас списков древнерусских хронографов, их изучение и использование в качестве источников исторических сведений началось значительно позднее, чем летописей. М. В. Ломоносову были известны хронографы, находившиеся в Библиотеке Петербургской Академии наук¹. Н. М. Карамзин, приступивший к работе над «Историей государства Российского» в 1803 г., писал в «Предисловии» к т. 1 о хронографах: «Так называемые Хронографы, или Всеобщая история по Византийским летописям со внесением нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных современных известий, которых нет в лето-

¹ См. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 80, 102, 233.